

Легенда о швейцарском рае. 20. Картины Александра Калама – воплощение «швейцарского мифа» | |La légende du paradis suisse. 20. Les tableaux d’Alexandre Calame comme la représentation du « mythe suisse »

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 08.01.2021.

А. Калам. Озеро Четырех кантонов, 1851 г. © Музей искусства и истории, Невшатель.

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de Nasha Gazeta, consacrée aux origines du mythe suisse.

|La légende du paradis suisse. 20. Les tableaux d'Alexandre Calame comme la représentation du « mythe suisse »

Вероятно, у тех, кто читал прежние наши публикации, возник вопрос: только ли [мастера гравюры](#) внесли вклад в продвижение «швейцарского мифа»? Были ли другие художники, которые прославляли красоту природы Швейцарии? Безусловно, были, хотя швейцарскую живописную школу знают не так хорошо, как французскую или итальянскую и существует мнение, будто Швейцария всегда находилась на обочине европейского искусства, а ее художники лишь слепо перенимали достижения других европейских школ.

На самом деле в Швейцарии было немало отличных художников. Расскажем коротко о тех, кто имеет непосредственное отношение к нашей теме – созданию легенды о швейцарском рае. И тут не будет преувеличением сказать, что ни один художник не сделал столько для прославления швейцарской природы как Александр Калам, по праву считающийся создателем романтизированного эпического альпийского пейзажа. Новизна подхода Калама, взявшего своим девизом «Следовать природе», состояла в том, что на его картинах зритель видел вполне узнаваемую местность, но это была не простая фиксация увиденного, а попытка раскрыть жизнь природы во всем ее богатстве.

А. Калам. Гроза на Хандеке. 1839 г. © Музей истории искусств, Женева

Александр Калам родился в 1810 году в Веве в семье резчика по мрамору. Он был довольно слабого здоровья. К тому же, с тех пор как в детстве во время драки ему попали кулаком в глаз, он им не видел. В 1824 году семья переехала в Женеву, но через год, когда Александру было всего пятнадцать лет, отец скончался. Подросток устроился на работу в банк, но сфера финансов была явно не его призванием. Несмотря на потерю одного глаза, мальчик с детства любил рисовать и, работая в банке, продолжал этим заниматься. Юноше повезло, его работодателем оказался просвещенный человек и большой ценитель живописи – банкир Жак Амаде Диодати. Увидев работы Калама, он оценил его мастерство и предоставил молодому человеку финансовую помощь для занятий в мастерской самого известного в то время женеvского художника – Франсуа Диде, который одним из первых в Швейцарии начал писать пейзажи романтического направления. Очень скоро стало очевидно, что талант ученика превосходит талант учителя.

Калам решает целиком посвятить свою жизнь художественному творчеству. Каждое лето он проводит в окрестностях Берна и центральной Швейцарии, где много работает, делает зарисовки и эскизы с натуры, а затем на их основе создает в мастерской картины маслом. Молодой художник открывает в Женеве собственную школу живописи и начинает выставлять свои альпийские пейзажи в европейских городах. Так, в 1837 году Калам экспонировал на выставке в Гамбурге полотно «Лес около Аванша», которое было встречено с большим интересом. Его имя становится известным среди собратьев-художников и людей, интересовавшихся искусством.

А. Калам. Озеро Бриенц, 1843 г. © Кантональный музей изящных искусств, Лозанна

Но подлинную славу Каламу принесла картина «Гроза на Хандеке». В ней двадцатисемилетнему художнику удалось правдиво передать разыгравшуюся стихию, подобрать точные цветовые сочетания и найти интересную композицию. Когда картину в 1839 году выставили в Женеве, критики назвали ее первым поистине «национальным» произведением живописи. В 1841 году «Грозу на Хандеке» привезли на Парижский салон. На этой самой престижной художественной выставке Франции она производит настоящую сенсацию – Калам получил Золотую медаль выставки, а картину приобрело Общество искусств Женевы, после чего она была помещена в незадолго до этого открытый музей Рат, первую художественную галерею города.

В 1842 году художник поехал в Париж для демонстрации пяти своих полотен: «Монблан», «Юнгфрау», «Бриенцкое озеро», «Монт Сервен» и «Монте Роза». Его работы произвели огромное впечатление. Достаточно сказать, что Калам был произведен в кавалеры ордена Почетного легиона, а вскоре избран членом Петербургской и Брюссельской академий художеств.

Чем же картины женевского художника пленяли ценителей искусства? Что нового видели они на его полотнах? Прежде всего, Калам полностью отошел от стиля ведута: художники этого течения изображали роскошные вымышленные пейзажи с неизменным атрибутом – живописными развалинами. На картинах же женевца вы не увидите ни мраморных колонн, ни развалины, ни мифологических персонажей. Отказался Калам и от искусственного яркого и ровного солнечного света, умело используя игру света и тени.

А. Калам. В Бернских Альпах. 1847 г. © Исторический музей Амстердама

Несмотря на то, что Калам работал не на природе, а в матерской, на его полотнах отражены реальные ландшафты Швейцарии во всем их многообразии. Ему удавалось добиться иллюзии подлинной, естественной, не облагороженной природы, следуя определенным разработанным им принципам. То, что зритель видит на полотне, - далеко не всегда точное отображение натуры, а лишь навеяно ею. Калам не стремился передать сиюминутное впечатление, чего будет добиваться следующее поколение художников. Он контролировал свои порывы, выверял свои впечатления. Возможно, поэтому его картины менее эмоциональны, чем полотна других представителей романтической школы, к которой он принадлежал. Довольно часто Калам объединял отдельные элементы различных видов, получая «искусственные» пейзажи. Характерны для женевского художника и серии пейзажей с видом одного и того же места, запечатленного в разные времена года или сделанные при дневном и вечернем освещении.

Пейзажи Александра Калама неизменно вызывали восторг зрителей, где бы художник их ни выставлял. В начале 1850-х годов Калам находился в зените славы. Современники называли его величайшим швейцарским пейзажистом и одним из лучших европейских художников века. Его картины стремились приобрести все коллекционеры, в том числе и коронованные особы. Так, в 1853 году Наполеон III за баснословную по тем временам сумму в 15 тысяч франков золотом приобрел его полотно «Озеро Четырех Кантонов», получившее премию на Всемирной выставке в Париже.

В то время годы у Калама уже было огромное количество учеников из разных стран Европы и из России: в его записной книжке перечислены 256 фамилий. Среди них и члены королевских фамилий, включая российскую императорскую семью. Неудивительно, что влияние живописной манеры Калама было огромным: практически в каждой европейской стране имелись художники, работавшие в манере Калама.

А. Калам. Вид на Монблан из пригорода Женевы. 1848 г. © Музей искусства и истории, Женева.

Как отмечают швейцарские исследователи жизни художника, в России творчество Александра Калама было особенно популярно. Российская Императорская Академия художеств закупила большое количество эстампов с пейзажами женева, чтобы студенты могли использовать их в качестве образцов. К школе Калама принадлежали такие известные живописцы, как А.И. Мещерский, А. П. Боголюбов, В.Д. Орловский, П.А. Суходольский и М. С. Эрасси. Творчество Калама оказало сильное влияние и на развитие художественной манеры прекрасного русского пейзажиста Ф. А. Васильева. Классик российской пейзажной живописи И.И. Шишкин также внимательно изучал характерные приемы письма женева и, безусловно, использовал их.

Сохранились воспоминания русского художника Алексея Петровича Боголюбова о его посещении мастерской Александра Калама. Приехав в Женеву в 1854 году, Боголюбов сразу же отправился к Каламу: несколько именитых петербуржцев пожелали заказать картины прославленному живописцу. Но дальше произошло нечто совершенно удивительное. Вот как описывает эту сцену Боголюбов: «Когда кто является к художнику с широким заказом, то всегда бывает хорошо принят, а потому швейцарский гений принял меня прекрасно. Но когда пришлось обуславливать дело,

то очень удивил своими правилами касательно выяснения ценностей будущих трёх картин. Вытащил он длинный свиток в сантиметрах, подошёл к стене своей мастерской, снял что-то белое, разлинованное вроде марколерской карты, разложил на столе и говорит: „Картины мои я ценю квадратными сантиметрами. На сколько вам угодно иметь их?“ Я не знал, что ответить: так меня озадачила эта коммерция великого художника-аршинника! „Ну, например, вот эта картина. В ней 92 сантиметра длины и столько-то ширины, стоит она 5000 франков. Эта в 75 длины и ширины — стоит 4527. Это поменьше — пройдет по расчету в 2201 франк, и так далее“. <> Когда я простился с ним, то он был ко мне весьма внимателен, вероятно, за сделанный заказ, подарил два рисунка сепией с надписью: "Offert à M-r Bogoluboff par A. Calame"».

Как бы неприятно ни поразили Боголюбова некоторые черты характера женевского художника, от его творчества он в восторге: «Работа его мне очень нравилась. Поражала всего более элегантность и чистота его письма. Рисунок тоже был отчётлив, тона красок приятны, зелень прозрачная, как и вода».

А. Калам. Вид на озеро Леман. 1849 г. © Вилла Вобан, Художественный музей Люксембурга

Федор Михайлович Достоевский был в числе поклонников Калама и написал о нем немало хвалебных слов в статье «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год»: «Картина Калама «Озеро четырех кантонов» составляет истинное украшение выставки. Огромное извилистое озеро лежит между высоких гор. Кроме изумительной верности природе, кроме того, что каждая часть, каждая подробность отделана совершенно тщательно, картина поражает тем, что волшебник художник вложил в нее свою душу. И ровно ничего нет особенного в картине: горы и спокойная

вода с легоньким туманом. Но всякий без исключения зритель глубоко и сладко задумается над этой картиной, всякий увидит, что художник был погружен в какую-то грустную задумчивость, всматриваясь в далекие горы, в ясное небо, в туманную даль. Как он сделал, чтобы передать все это на картине – это уже его тайна; но ясно, что он не фотографировал природу, а только взял ее средством, чтобы навеять на зрителя свое собственное, кроткое, мирное, сладко-задумчивое расположение духа. Ничего нет легче, как скопировать подобную простую картину; но перейдет ли в копию душа оригинала – сомнительно».

Однако заметим, если копия сделана талантливым художником, полотно может обладать неоспоримыми достоинствами. Именно таковы были работы чудесного русского художника Саврасова. Еще молодой Алексей Саврасов, приехав в Швейцарию летом 1862 года, делал копии с картин «Каляма», как тогда произносили это имя, по заказам русских коллекционеров. Конечно, оригинал есть оригинал, и те в России, кто мог себе позволить, приобретали подлинные работы швейцарского мастера. Картины Калама находились в коллекциях членов императорской семьи, представителей русской аристократии и просто богатых людей. Кстати, большой поклонницей Калама была жена императора Николая I Александра Фёдоровна. Неудивительно, что сегодня в музеях России немало отличных картин художника. Среди наиболее значительных можно назвать такие как «Люцернское озеро» (1857), «Вид озера в окрестностях Женевы» (1857), «Пейзаж с дубами» (1859), «Горное озеро в Швейцарии», «Вечерний пейзаж». Все эти картины хранятся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, но работы Калама есть и в других музеях страны.

А. Калам. Лето, 1850 г. Холст, масло. © Музей искусства и истории, Женева

К началу 1860-х годов здоровье Калама было подорвано – все сильнее давал знать о себе туберкулез. К физическим недугам добавились и душевные страдания: художник потерял трех малолетних детей. В последние годы он продолжал работать, но практически не выставлял своих работ. Это объяснялось и плохим самочувствием, и болезненной реакцией на критические замечания, которые все чаще раздавались в адрес его живописной манеры.

В 1863 году состояние его здоровья настолько ухудшилось, что по настоянию своего врача он решает поменять климат и переезжает на юг Франции, в город Мanton. Увы, даже мягкий средиземноморский климат уже не смог помочь справиться с болезнью, и 17 марта 1864 года Калам скончался в возрасте всего 54 лет. Похоронен он в Женеве на старинном кладбище Королей.

Художественное наследие Калама огромно: он оставил 400 картин, 250 акварелей, 500 эскизов, 670 рисунков и 100 зарисовок тушью. В 1865 году посмертная продажа произведений Александра Калама в Париже – в основном это были эскизы и зарисовки - принесла огромную по тем временам сумму в 180 тысяч франков. Но не прошло и десяти лет, как желающих приобрести его полотна стало все меньше. Зарождение и утверждение нового стиля – импрессионизма – привело вскоре к почти полному забвению его имени, а манера письма Калама стала казаться слишком искусственной, обобщенно-декоративной. Даже в России, где совсем недавно все восхищались женевским художником, стали говорить о его живописи пренебрежительно, называя ее «каламовщиной». В конце нового, XX, века уже мало кто вспоминал об Александре Каламе, чьи полотна на протяжении стольких лет приводили в восторг и воспринимались как эталон пейзажной живописи.

Звезда Александра Калама закатилась, но его полотна остались. Их можно увидеть практически во всех музеях мира, так что у вас есть возможности составить о них собственное мнение.

[Швейцария](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/culture/legenda-o-shveycarskom-rae-20-kartiny-aleksandra-kalama-voploshchenie-shveycarskogo>